

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Сергей Самаров

ЗАЧЕРКНУТОМУ
ВЕРИТЬ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Зачеркнутому верить

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Зачеркнутому верить / С. В. Самаров — «Автор»,
2017 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-089051-4

Черeda роковых событий преследует капитана спецназа ГРУ Максима Онучина. Вертолет, на котором он летел в Моздок, расстреляли свои; на фуру, подобравшую Максима после приземления, напали бандиты, переодетые в полицейскую форму; местный спецназ пытался штурмом взять военный городок, где находился капитан. Только благодаря хорошей боевой подготовке Максиму удалось выйти живым из этих переделок. Он теряется в догадках: кто же приказал его ликвидировать? Неужели тот, кто остался недоволен последней операцией капитана? Если так, то против Онучина действует очень серьезный враг, у которого достаточно сил и средств завершить начатое...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089051-4

© Самаров С. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава первая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Васильевич Самаров

Зачеркнутому верить

© Самаров С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Пролог

Вертолета ФСБ долго ждать не пришлось. Я едва успел передать командиру автороты капитану Полуэктову свой «Мустанг» вместе с документами. Полуэктов человек по своей природе дотошный, хотя передача планировалась и без акта, он, как говорится, на всякий пожарный, составил акт, дал полное описание машины, всего, что в ней находилось – домкрата, инструментов, запасного колеса на легкосплавном диске, не таком, как установленные на машине, но в общем схожем настолько, что в движении разницы не было бы заметно. Перечислил и описал все повреждения. Оставил несколько строк для внесения данных о скрытых повреждениях (но скрытые повреждения, согласно сноске в акте, могли быть внесены только при согласовании со мной) и дал мне акт на подпись. После чего сначала подписал сам, потом позвонил майору Оглоблину и договорился об утверждении акта.

При этом в акте никак не оговаривалась дальнейшая судьба спортивной машины. Мы даже поговорить на этот счет не успели, потому что мне позвонил диспетчер с вертолетной площадки и сообщил, что легкий вертолет «Bell 407» прибыл за мной и за старшим лейтенантом Аграриевым, который сдавал «Мустанг» вместе со мной.

Я попросил капитана Полуэктова разрешить добраться до вертолетной площадки на «Мустанге». Капитан согласился и сел с нами в машину с тем, чтобы потом отогнать ее в гараж, где команда автослесарей примет машину в работу и попытается сделать из нее что-то приятное. На прощание я пролетел по военному городку как вихрь. До этого на таких скоростях я ездил только на учебном автодроме ФСО, обучаясь умению разворачиваться на месте с помощью дрифта. Здесь я словно бы пробовал, на что способна машина, с которой я расстанусь, так и не успев к ней привыкнуть и сильно привязаться.

Что человек способен привязаться к автомобилю, я не сомневался. Пусть это и неодушевленный предмет, тем не менее привязывается же он к дому, в котором живет много лет, к городу или к родной деревне.

Точно так же обстоит дело и с автомобилем. Я помню, у нас в батальонном штабе был один капитан, который купил себе «Шевроле Ниву», и сначала ругался из-за долгого разгона и низкой скорости, но потом привык, оценил внедорожные качества машины и уже не желал менять ее даже на самую современную иномарку. Как он сам признавался, привязался, прикипел душой. Правда, потом этот капитан привязался к люстре и умер, но это другой вопрос.

У меня же просто еще не было времени, чтобы привязаться к «Мустангу». Оценить я его успел, и восторг некоторый почувствовал, особенно в начале разгона, когда сила рывка при наборе скорости вдавливают тебя в кресло. Но так, чтобы плохо себя без этой машины чувствовать – такого не было. Мне при этом казалось, что старший лейтенант Аграриев, который даже за руль ни разу не сел, привязался к «Мустангу» больше меня. По крайней мере, об этом говорил его взгляд, когда я уступил место за рулем капитану Полуэктову, а сам направился на площадку, где стоял с открытым люком вертолет «Bell 407». Сначала Аграриев пошел со мной рядом, потом стал оборачиваться на «Мустанг» и в итоге оказался у меня за спиной.

Меня, признаться, слегка удивило, что Аграриев и наш начальник штаба майор Оглоблин прекрасно друг друга знают. Более того, они даже разговаривают на «ты». Я, конечно, помнил, что Оглоблин был когда-то командиром роты, в которой Аграриев командовал взводом. Но сам мой напарник словом не обмолвился о добрых отношениях с начальником штаба сводного отряда. И когда я высказал свое удивление вслух, сам майор сообщил:

– Мы с Анатолием когда-то в одном доме жили в военном городке. И жены у нас, скажем так, слегка в то время дружили.

Я знал, что в военных городках часто строятся типовые дома на две семьи – дом один, а входы разные, с противоположных торцов. Но Аграриев, когда у нас в оперативном отделе

«Сектора «Эль» зашел разговор об ОглобLINE, словом об этом не обмолвился. Таковы отношения между людьми в «Секторе «Эль», где превыше всего ставится умение хранить тайну как собственную, так и чужую. И потому я, уловив, что Оглоблин назвал старшего лейтенанта по имени, понял, что это настоящее имя, но внимания на этом не заострил, словно бы и не заметил.

А вот имени неразговорчивого пилота вертолета я в прошлый с ним полет так и не узнал. И в этот раз не видел необходимости спрашивать. Если нужно будет, сам скажет. Судя по возрасту, пилот должен быть из старших офицеров. А меня служба отучила задавать лишние вопросы вообще. Тем более – старшим офицерам. Если задашь вопрос младшему по званию или равному себе, то ответ может прозвучать хотя бы по принципу элементарной человеческой вежливости и уважения к армейской субординации. А старший по званию уже имеет право вопрос просто проигнорировать и на вежливость ему по большому счету наплевать. Это тоже субординация, только с другого конца.

Тем не менее, завидев нас, пилот вертолета вышел из кабины и энергично шагнул нам навстречу, поздоровался за руку, но выглядел он, как мне показалось, еще более мрачно, чем в первый раз.

– Что ты с подполковником Саенковым не поделил, капитан? – спросил меня вертолетчик, как только мы поднялись в VIP-салон, где Аграриев восхищался удобством кресел.

– Я? С Валентином Валентиновичем? – переспросил я с откровенным удивлением, выходя из салона за рюкзаками. Пилот шел за мной, привязанный разговором. – Мы с ним давно уже, кстати, не встречались и даже не созванивались... Последний наш разговор был ночью, перед тем как вы меня в Моздок доставляли, товарищ... – я словно бы спрашивал звание. И даже без «словно бы» – спрашивал.

– Подполковник Сокуров, – представился вертолетчик, оправдывая мои ожидания относительно его звания.

– Товарищ подполковник, – повторил я. – А откуда у вас, разрешите спросить, такие сведения? Если они идут не с моей стороны, то, следовательно, могут идти только со стороны подполковника Саенкова.

– Подполковник Саенков у нас в управлении считается штатным хреновым шутником, – мрачно сообщил вертолетчик. – Хотя у нас он только прикомандирован на полгода из Московского областного управления и скоро уже должен будет возвращаться домой. Когда он давал мне задание на повторную доставку вас в Моздок, то шутя сказал, что я имею право выбросить вас на половине пути и вернуться...

– Даже так... – я к подобной шутке отнесся вполне серьезно. Не менее серьезно, чем сам пилот вертолета. Но обеспокоенности своей не показал. А пилот объяснил свое настроение:

– Беда в том, что подобную же шутку подполковник Саенков выдал почти полгода назад, в самом начале своего пребывания здесь, когда на Ми-4 вывозили отдельную мобильную офицерскую группу. Тоже, кстати, в Моздок. Пять офицеров спецназа ГРУ, которые не ладили с Саенковым по какому-то вопросу. Подполковник тогда точно так же сказал пилотам. Вертолет в пути потерпел аварию и упал на склон хребта. Высота была небольшая, но приземлиться было невозможно. Места для приземления не нашлось. С хребта в пропасть летели. Потом тела по ДНК определяли. Но там уже от тел-то ничего не осталось. А экипаж опытный был. Лучшие, считай, вертолетчики нашего отряда. И что случилось с машиной, никто выяснить не сумел. По склону хребта все по винтику разлетелось. Подполковник Саенков накаркал... Ладно, шуткам час, а работу делать все равно надо. Летим... В кабину сядешь, капитан, как в прошлый раз, со мной?

Я оглянулся на старшего лейтенанта Аграриева. Тот понял и согласно кивнул.

– Я пока вздремну в салоне. Глаза сами закрываются. Ночью на скале холодно было, я спать не мог. Все зарядкой грелся. А после зарядки совсем не уснешь...

Старший лейтенант забросил на одно плечо лямку своего рюкзака, на второе – лямки двух моих рюкзаков – с «Вампиром» и двумя оставшимися «выстрелами» для него, оставив мой персональный рюкзак мне, и полез в удобный салон. А я забрался на привычное уже кресло слева от пилота. Аграриев с помощью подполковника закрыл входной люк, пилот сел на свое место и завел двигатель.

– Меня тоже все в сон клонит, – сказал подполковник. – Давление стало подводить. Гипотония начинается, возрастная.

– Рановато, – посочувствовал я.

– Меньше чем через год думаю на пенсию отправиться. Буду молодежь учить.

Пока мрачный пилот не застегнул на горле ларингофон, он говорил слишком много. Мне так показалось, по крайней мере. Но впечатление о его мрачности и неразговорчивости сложилось еще во время первого совместного полета, когда он вообще больше молчал, разговаривая только по необходимости.

Переговоры с диспетчером много времени не заняли. Нам дали «чистое небо», и легкий вертолет стремительно стал набирать высоту. Еще во время первого полета до Моздока я понял, что горные пейзажи по курсу большей частью схожи и потому особого интереса не представляют. Поэтому за стекло своей прозрачной дверцы почти не смотрел.

Признаться, меня слегка озадачили слова пилота о том, что я якобы что-то не поделил с подполковником Саенковым. Вспомнилось, что и полковник Самокатова сказала мне, что я своей короткой очередью в голову следователя Халидова, когда две пули вошли в темя и через шею в тело, сорвал операцию ФСБ, которая готовилась восемь месяцев. То есть начала готовиться здесь же еще до приезда самого Саенкова. И готовилась, видимо, кем-то другим. Но разве есть моя вина в том, что так сложились обстоятельства? Я ведь не в Халидова стрелял, а в человека, который мог вот-вот обнаружить, что за аварией скрывается ловушка. А это могло значить, что меня пристрелят. Тот же подполковник Халидов собственноручно сделал бы это с превеликим удовольствием. Но сам я не мог узнать Халидова в том положении, в каком находился. Да и машина была заполнена дымом. Не ради же Халидова я этот дым задумывал. Узнать человека в этой ситуации можно было бы, только обняв его, хотя и не обязательно дружески. А о том, что Халидов должен ехать в кортеже, меня никто не предупредил. А сам я узнать такое, естественно, не мог. Именно эта смерть следователя Следственного комитета могла стать причиной недовольствия подполковника Саенкова. Другой причины я не видел. Но и это тоже сильно меня не испугало. Так всегда бывает, когда делаешь свое дело – кому-то оно придется по душе, а кого-то твои действия могут и не устраивать. У каждой стороны обычно бывают собственные соображения о результате и собственный интерес в результате.

Однако объяснять все это пилоту вертолета я не посчитал необходимым. Тем более что он, как и в первый наш полет, сидел с совершенно мрачным лицом и поджимал губы.

Задняя дверь, ведущая из кабины в салон, была открыта настежь и в таком положении зафиксирована защелкой. Я видел, как развалился в кресле, вытянув ноги, старший лейтенант Аграриев. Он и в самом деле сразу заснул. Умеет, видимо, как и я, как и все офицеры спецназа ГРУ, засыпать по собственному приказу, хотя почему-то не мог этого сделать на скале ночью. Видимо, правда, ночной горный холод мешал. Я, честно говоря, в настоящий момент спать не хотел. Но был уверен, что если понадобится, то дам себе приказ, и организм, привыкший приказам мозга подчиняться, сможет уснуть. Мысли о том, что в полете следует выспаться, меня посещали.

Однако что-то мне мешало. Я не сразу понял, что мешает подполковник Сокуров. Я не смотрел на него, но периферийным зрением уловил несколько движений, которых не должно было быть. Подполковник должен был держать только ручку управления, и все. Но он несколько раз подряд протягивал левую руку и щелкал какими-то тумблерами, хотя, по моему мнению, щелкать ими было незачем.

Я искоса посмотрел на Сокурова. И сразу отметил его посиневшее лицо и плотно сжатые темно-фиолетовые губы. Это было заметно даже на загорелом лице пилота.

– Что с вами, товарищ подполковник? – спросил я, понимая, что происходит что-то экстраординарное.

– Сердце... – прохрипел Сокуров, не выпуская из рук рычаг управления.

– Надо лекарство...

– У нас обороты падают, – едва слышно сообщил подполковник. – Что-то с двигателем...

Я даже не понимаю... Не отказал, но и не тянет...

Вертолет имел двойное управление. То есть, видимо, был рассчитан на инструктора и курсанта – перед моим сиденьем тоже располагался рычаг управления. Я положил на него руку, так же уверенно, как подполковник Сокуров.

– Умеешь вертолет водить? – спросил подполковник. Но вопрос его звучал не столько вопросительно, сколько утвердительно. Похоже, он знал обо мне немало.

– Взлетаю и летаю уверенно, чего не могу сказать про посадку...

– А тебе, похоже, придется именно посадку совершать. Самый сложный вид посадки! На авторотации...¹

– Этому меня даже не обучали, – сознался я, хотя понятие об авторотации вертолета имел. Но благодаря не обучению, а своему любопытству и желанию учиться.

– Я буду обучать. В реальном аварийном времени, – сказал Сокуров твердо. – Но что же с двигателем?.. Странно как-то себя ведет...

Хорошо, что мы уже успели набрать приличную высоту.

– Держи ручку крепко... – потребовал подполковник.

Но я и без того держал ее крепко.

– Шаг лопастей уменьши на один-два градуса...

Я вопросительно показал рукой, как это делается на незнакомом мне вертолете. Подполковник согласно кивнул.

– Да, здесь... Теперь скорость гаси... Восемьдесят – девяносто километров в час, не больше... Нос задирай... Ручку от себя... Так скорость гасится...

Это я и так знал. И делал это старательно, надеясь не перевернуть машину в «мертвую петлю», удерживая ее в опасном положении, потому что для вертолета, да ко всему прочему еще и неисправного, эта петля обязательно станет «мертвой».

– И сразу место внизу выбирай, – подполковник говорил жестко и конкретно, хотя и слабым голосом. На громкие слова у него просто не хватало сил, как, видимо, и воздуха в груди. – Не знаю, смогу ли я дотянуть до посадки. Запоминай... На высоте четыре-шесть метров выравнивай корпус. Ручкой... Ручку на себя возьмешь...

– Скорость резко возрастет, – попробовал я возразить.

– Не успеет, ты тут же сядешь... Выбирай место заранее. Сейчас. Лучше пусть место будет хуже, но ближе. Дальше можем не дотянуть...

Мне вспомнился роман Олдриджа «Последний дюйм», где мальчишка сажал самолет в то время, как рядом умирал его едва живой отец, покусанный акулами. И я ощутил себя тем же маленьким мальчиком, ребенком. Но мужской ответственности я с себя не снимал.

---

¹ При обычном движении вертолета используется сила воздушных потоков, которые попадают на винт сверху, почему нос вертолета в нормальном полете всегда выглядит слегка опущенным. Двигатель вращает лопасти, они преодолевают сопротивление воздуха и цепляются за него. На эффекте авторотации, то есть свободного движения винта, построена работа автожира в полете. Вперед его толкает другой винт – самолетный, а вертолетный помогает держаться в воздухе за счет эффекта авторотации, поскольку он не имеет своего двигателя. Если во время полета у вертолета отказывает двигатель, он может совершить посадку за счет эффекта авторотации. При этом нос вертолета задирается с тем, чтобы лопасти винта, вращающиеся сами по себе, при вращении цеплялись за потоки воздуха, идущие снизу.

За моей спиной из двери салона не вошел, а только переступил одной ногой порог старший лейтенант Аграриев.

– Что случилось?

– С двигателем что-то... Обороты падают, глохнет... А у товарища подполковника сердечный приступ.

– Падаем? – почти равнодушно спросил старший лейтенант, словно уже согласился с участью погибшего в авиакатастрофе.

– Попытаемся сесть на авторотации... Я, правда, ни разу не пробовал, но когда-то приходится все делать впервые, и это тоже сделаю... Садись в кресло и пристегнись хорошенько...

Мне захотелось назвать его по имени. Я всегда звал его Саней, но майор Оглоблин называл его Анатолием. А Оглоблин знает его настоящее имя.

– Садись, Анатолий... Я попробую остаться в живых и вам с товарищем подполковником жизни спасти. Надеюсь, получится...

– Пожить-то еще хотелось бы... – спокойно сказал Аграриев и ушел в салон, чтобы сесть в мягкое кресло и пристегнуться.

– Мне тоже еще нужно дочь жизни научить... – не оборачиваясь, сказал я.

Подполковник Сокуров, кажется, совсем потерял сознание. А на меня легла дополнительная ответственность. Ответственность за жизни всех троих. При этом я понимал, что, даже посадив вертолет, помочь Сокурову своими силами смогу едва ли. Здесь специалист нужен, а я не врач и даже не санинструктор. Его срочно необходимо доставить в ближайшую больницу. Хорошо бы на этом же вертолете, но это, отдавал я себе полный отчет, едва ли возможно. Я не авиамеханик и отремонтировать незнакомый механизм не смогу.

Не знаю, как у других, но у меня чисто русский характер, я крепчаю, когда меня бьют. И потому в момент повышенной ответственности наступает и повышенная концентрация всех чувств и сил. У меня повышается внимательность, работоспособность, обостряются память и сообразительность. И это все, вместе взятое, часто выручало меня, как и тех, с кем я был связан. В данном же случае дополнительно на меня легла ответственность за жизни двух человек. Значит, я тем более обязан справиться.

Сверху мне было хорошо видно пространство. Недалеко выделялся удобный плоский пригорок, покрытый невысокой травой. Я прикинул расстояние и понял, что машина, если сейчас какое-то время не сбрасывать скорость, дотуда дотянет. Надеюсь получить совет, я глянул на подполковника Сокурова. Он, мне показалось, даже не дышал. Я протянул руку к его горлу. Пальцы легли чуть выше ларингофона. Там отчетливо прослушивался пульс. Сонная артерия работала, значит, мозг не отключился, не умер. Следовательно, и сам человек был еще жив. Хотя горло показалось мне ледяным, даже пальцы холодом обдало. Я взял подполковника за руку. Она была ледяной. Обычно это бывает при инфаркте. Я еще раз посмотрел на площадку, которую наметил для посадки. Потом коротко глянул на Сокурова и понял, что нести его оттуда до дороги будет сложно. Подполковник широкоплечий и массивный, а значит, тяжелый. Конечно, вдвоем с Аграриевым мы донесем его до дороги. Но... Я еще раз посмотрел вниз. И решил, что садиться лучше рядом с дорогой. Так будет возможность остановить любую проходящую мимо машину и отправить больного в ближайшую больницу.

Закрепленный на груди коммуникатор «Стрелец» истерично замигал зеленой лампочкой. Внутренняя связь группы... Или Аграриев не желает отстегиваться, но хочет что-то важное, с его точки зрения, спросить, или Сережа Логунов желает пообщаться. Я нажал на кнопку.

– Командир! Ты где потерялся? – раздалось в наушниках шлема.

Старший лейтенант Логунов говорил радостно и вообще, судя по голосу, был довольный. А ему-то что расстраиваться! Он свою часть работы выполнил безукоризненно, что я, как командир группы, обязан отметить в рапорте на имя полковника Самокатовой. Генерал убит. Племянник тоже. Должно быть, полковник Самокатова встретит Сережу радостной улыбкой и

отправит на недельку отдохнуть с семьей. Нас же с Аграриевым, судя по всему, ждет внутреннее расследование. Хотя, Аграриеву, вероятно, это расследование ничем не грозит. Он может в расследовании участвовать только в качестве стороннего свидетеля. Он по большому счету тоже свою часть работы выполнил идеально. Только у меня одного вышел «прокол». Принесла же нелегкая этого старшего следователя Халидова! Как раз туда принесла, где мои пули ждали противника.

– Сережа! – строгим голосом вмешался в разговор Аграриев, Он умел, когда хотел, говорить строго и властно. – Не мешай командиру. У нас нештатная ситуация. Отказал двигатель вертолета, а у пилота сердечный приступ. Командир пытается посадить машину в режиме авторотации. Не сбивай его, он никогда еще таких посадок не совершал и потому, наверное, сильно потеет...

А я и не заметил, пока не услышал эти слова. По лбу у меня действительно обильно катился пот и даже глаза щипал. Аграриев увидел это, только на несколько секунд заглянув в кабину.

– Ты где, Сережа? – спросил я.

– В Моздоке. Совершил посадку, только что вернулся с летного поля в гостиницу. Узнал, что вас еще нет. Тут тоже вертолет ждут. А самолет уже котлы кипятит, пар нагоняет. Тоже нас ждет.

Ко мне вдруг пришло ясное осознание неслучайности данной ситуации. Слова подполковника Саенкова совместились с его же словами, сказанными другому экипажу вертолета. И повторение ситуации никак не может быть случайностью. Нас с Аграриевым просто пытаются уничтожить. И даже не пожалели при этом подполковника Сокурова. Что с двигателем, пилот вертолета понять не мог. Здесь, я думаю, поработали специалисты. В принципе моего знания автомобильного двигателя хватало для того, чтобы предположить аналогию с двигателем вертолетным. К примеру, там, в вертолете, тоже должна быть дроссельная заслонка. Если на зажиме тросика, который двигает эту заслонку, с болта просто снять гайку вместе с шайбой, вибрация выбросит болтик из гнезда, и тросик будет свободно болтаться, не выполняя свою функцию. Автомобиль не поедет. Что-то подобное легко было выполнить, как я подумал, и в вертолетном двигателе. Только здесь вибрация на порядок сильнее, что неудивительно при высокой мощности летающих машин, а крепления обычно бывают облегчены. Следует только знать, что и в каком месте следует ослабить, и дело будет сделано. Для этого не надо иметь семь пядей во лбу, если даже я сразу предположил вариант подготовки аварии в полете, то что же говорить о специалисте, который сразу пятьдесят вариантов назовет. А специалистов в ФСБ хватает на все случаи!

При этом я отчетливо понимал, что убить пытались именно меня, вероятно, как виновника срыва операции ФСБ. И не пожалели при этом ни старшего лейтенанта Аграриева, ни подполковника Сокурова. Они просто должны были умереть вместе со мной, попутно и не вызывая подозрений. При попытке прямого убийства я мог оказать серьезное сопротивление, а это могло вызвать скандал. Теперь меня интересовал только один вопрос: полковник Самокатова была заодно со своим родственником подполковником Саенковым или нет? Ответ на этот вопрос мог подсказать мне, стоит ли доверяться Алевтине Борисовне. С одной стороны, полковник в состоянии обеспечить мощное прикрытие, если в этом появится необходимость. Кроме «Сектора «Эль» никто, пожалуй, не сможет у нас в стране прикрыть от ФСБ. Разве что еще ГРУ с соизволения центрального аппарата. Причем прикрытие может быть любого уровня, от смены всех данных до отправки на службу куда-нибудь далеко-далеко, вплоть до чужой страны. А вот если полковник с Саенковым заодно, то я даже не представляю, как мне поступить. В любом случае опускать руки и ждать, когда кто-то поднимет на меня оружие и нажмет на спусковой крючок, – это совсем не в моем стиле.

Вообще я многократно убеждался, что самые верные, часто неожиданные мысли и откровения приходят всегда не вовремя. То есть тогда, когда думать о чем-то постороннем, даже если это постороннее – твоя жизнь, никак нельзя, просто некогда думать о постороннем. Возможно, этому есть какое-то эзотерическое объяснение. Может, какой-нибудь особый центр в сознании открывается именно в момент наибольшей опасности.

Короче говоря, думать об этом было некогда, а не думать – никак нельзя. Если думать о том, что авария вертолета умышленно подстроена, чтобы меня убрали, то человек, который распорядился подстроить аварию, своей цели добьется. Когда мысли мечутся, невозможно сконцентрироваться на необходимых действиях. И я силой воли отбросил от себя то, что мешало спасению. И моему собственному спасению, и спасению старшего лейтенанта Аграриева, и подполковника Сокурова, если, конечно, его возможно спасти, то есть если он доживет до момента встречи с врачами-кардиологами. Однако передать подполковника врачам-специалистам в воздухе было невозможно хотя бы потому, что они летать не умеют как ангелы и вообще чаще всего даже по характеру совсем не ангелы. А чтобы передать, мне требовалось приземлиться. И я нашел новое место для приземления. Рядом с дорогой. Площадка там была с небольшим уклоном: я мог зацепиться хвостом за поверхность. Но приходилось рисковать. Пусть и хвост отломится – это не так страшно. ФСБ найдет средства для покрытия издержек. Но человека можно будет спасти.

Внезапно мне в голову пришла интересная мысль.

– Анатолий! – позвал я по связи.

Аграриев не отозвался. Я посмотрел на свой коммуникатор и включил общий внутренний вызов, видимо, Аграриев предпочитал сидеть без шлема, а потому и связь отключил. Но я даже обернуться к двери не успел, как он ответил:

– Слушаю, командир.

– Спроси Лабу, сможет он снова вылететь и нас с тобой забрать с дороги? Если сможет, передай ему на планшетник наши координаты. Мы недалеко. Главное, чтобы его воздушный велосипед нас двоих забрать сумел.

Я слышал, как Аграриев беседовал с Лабой, который должен был мой вопрос тоже слышать. Но Лаба ждал объяснений в необходимости своего полета. Потом стал объяснять. Проблем с весом для двоих, как выяснилось, не было. Была проблема только в размещении. Можно было одного посадить на колени к другому. Но можно было и другую возможность использовать. Именно этот автожир «Егерь» имел дополнительный грузовой контейнер между стабилизатором и толкающим маршевым винтом. Если кто-то из нас согласится лететь, согнувшись в три погибели в грузовом контейнере, то Лаба заберет нас. А может забрать и по одному, если расстояние невелико. А по моим расчетам, мы преодолели уже больше половины пути от Махачкалы до Моздока, то есть оставалось километров сто шестьдесят – сто семьдесят², хотя в штурманскую карту я не заглядывал, а ориентировался только по ощущениям после первого полета.

– Прилетай срочно. Смотри координаты в планшетнике, я отмечаю приблизительную точку. Мы почти падаем, – сообщал Аграриев. – Если командир сумеет выровнять машину, век буду на него молиться. Я верю, он нас спасет. Если нет, то ты тела заберешь. В последний полет...

– Молись... – сказал я в микрофон и начал выравнивание корпуса, как и требовал от меня подполковник Сокуров. Расстояние до земли было около пяти метров, как я хорошо видел сквозь свою прозрачную дверь, даже не заглядывая в альтиметр. Этот прибор такую высоту не в состоянии уловить³ и показать.

---

² По прямой линии путь от Махачкалы до Моздока составляет 245 километров.

³ Внешне альтиметр напоминает часы и имеет похожий циферблат, который обычно разделен на 10 секторов, но встреча-

При выравнивании корпуса в параллельный земле полет резко увеличилась скорость. Вертолет рванул так, что меня, как за рулем «Мустанга», вдавило в кресло. Но почти сразу же сила инерции меня от кресла оторвала, потому что вертолет коснулся полозьями земли и заскользил по траве. Торможение было сильным, энергичным, и хорошо, что подполковник Сокуров, как и я, был пристегнут к креслу. Иначе можно было бы вылететь через фонарь остекления. Была и опасность перевернуться, чего я, честно говоря, больше всего опасался. Но опасался при этом не столько за себя, сколько за подполковника Сокурова, которому, как мне думалось, всякие акробатические эффекты противопоказаны по состоянию здоровья. Я же сам, уже повертевшись в «Мустанге», кувыряться не слишком опасался. Правда, машина могла загореться, и тогда нужно будет покинуть ее как можно быстрее всем троим. Но мы не перевернулись. Едва торможение сошло на нет, я обернулся, и сквозь дверной проем увидел, как старший лейтенант Аграриев сидит, прижав к себе двумя руками мой рюкзак с двумя оставшимися гранатами от «Вампира». Видимо, тоже опасался переворота, при котором «выстрелы» могут сметонировать и разнести вертолет в клочья. Причем, возможно, вместе с нами, потому что одна из гранат была термобарическая.

– Анатолий! Как ты?

– Нормально. «Живее всех живых». Как подполковник?

– Нужно срочно останавливать любую машину, чтобы отвезли его в ближайшую больницу. Выходим!

Мы извлекли из кресла подполковника Сокурова и понесли его к дороге, до которой было около тридцати метров. Подполковник оказался не таким тяжелым, как думалось сначала, хотя и легким его тоже назвать было трудно. Активных признаков жизни он не подавал, прерывисто дышал, и дыхание его чувствовалось на наших руках.

Сверху я видел, что движение на этой дороге есть, хотя и не такое интенсивное, как на федеральных трассах. Ждать пришлось минуты три. Первым в нашу сторону ехал большой внедорожник «Мицубиши Паджеро». На мою поднятую руку водитель внимания не обратил и так газанул, что я едва успел отскочить с дороги. Чуть не сбил! Я успел рассмотреть наглую самодовольную ухмылку водителя. А вот это уже была игра без правил! И первым на такую игру отреагировал старший лейтенант Аграриев. Его пистолет-пулемет с глушителем сорвался с плеча, Аграриев с возмущением дал очередь от пояса. Заднее колесо внедорожника просто развалилось на части. Мощные пули не только пробили резину, но и проломили диск.

При всем моем уважении к автотранспорту, я ни разу в жизни не наблюдал, как большие машины ездят без одного заднего колеса. Хотя и слышал такие разговоры. Внедорожник газанул, сорвался с места, рассыпая останки разваленного колеса по дороге, и быстро скрылся за поворотом, прикрытым скалой. На автоматную очередь водитель отреагировал более адекватно, чем на мою поднятую руку и лежащего на обочине человека.

– Еще машина! – сказал Аграриев, но я уже и сам слышал тяжелый надсадный гул. Большая фура «Volvo» была, видимо, сильно перегружена и ехала медленно. Увидев мою поднятую руку и человека, лежащего на обочине, водитель-дальнобойщик сразу включил сигнал поворота и остановился.

– Братишка, у пилота вертолета, похоже, инфаркт случился. В ближайшую больницу его надо отправить...

– До больницы километров пятнадцать. С ним кто поедет? – уговаривать водителя не пришлось.

– Одного доставить не сможешь?

– Сейчас сменщика разбужу... Доставим...

ются и 12 секторов, как в часах. Альтиметр имеет две стрелки, тоже как в часах. Маленькая (часовая) показывает высоту в километрах, а большая (минутная) в сотнях метров. Высоту в пять метров ни один альтиметр не в состоянии определить. В современных летательных аппаратах существуют другие системы измерения высоты, работающие по иным принципам.

В кабине было, видимо, и спальное место. Через минуту на дорогу выпрыгнул человек в спортивном костюме.

– Загрузить его помогите... – попросил сменный водитель. – Подавайте нам. Мы в кабине примем.

Уже через минуту подполковника Сокурова, пристегнутого ремнями безопасности, чтобы не падал, повезли в больницу. Мы со старшим лейтенантом остались ждать Сережу Логунова. Забрали из вертолета свои вещи и уселись неподалеку. Вскоре в небе раздался звук двигателя. Очень быстро для автожира, отметил я про себя. Самого «Егеря» видно еще не было. Хотя горы здесь и были невысокими, они все же часть горизонта скрывали. Но мне при этом показалось, что звук, идущий с неба, не слишком похож на звук двигателя «Егеря», хотя я тот звук и не слышал. И Аграриев, похоже, одновременно со мной подумал так же.

– Командир! Это боевой вертолет. Какой-то штурмовик. Нам бы лучше спрятаться...

– А кого нам бояться? – не понял я. – Почему мы должны бояться вертолетов? Это, скорее, помощь нам...

Но что-то во взгляде Анатолия было такое, что я молча согласился, взял свои рюкзаки и первым нырнул в расщелину между скал. И, едва за мной туда же успел нырнуть старший лейтенант Аграриев, вертолет показался из-за пригорка. Это был в самом деле боевой штурмовик «Ми-8».

– «Вампира» собери, командир, – зачем-то потребовал Аграриев.

– Вертолет армейский, пусть и не спецназ ГРУ. Зачем нам «Вампир»?

– Командир, – Анатолий опустил взгляд в землю. – Перед тем как ты приказал запросить Логунова, на меня вышла по связи полковник Самокатова.

– Так... Вот, значит, почему ты не сразу ответил... И что?

– Она приказала мне расстрелять тебя при первом же удобном случае. Я сказал, что приказ понял, хотя не сказал, что выполнять его не собираюсь. Полковник спросила, где мы находимся. Потом сама же сказала, что видит на мониторе... Она была уверена, что мы проведем успешную посадку. А теперь, думаю, прислала боевой вертолет, чтобы уничтожить нас обоих.

– Смысл? – сказал я. – Не вижу смысла...

Аграриев пожал плечами.

– Следы заматают. Генерал все-таки был ликвидирован, не какой-нибудь сержант...

– А тебе, чтобы выкрутиться, следует меня ликвидировать...

– Я же обещал за тебя молиться, – ответил Анатолий с укором.

Боевой вертолет тем временем совершил круг, рыская носом, как собака, потом вышел на боевое пикирование и несколькими выстрелами из НУРСов⁴ размогил наш «Bell 407». Стрелял прицельно и выверенно. Увидев это, я стал торопливо собирать гранатомет. Аграриев готовился зарядить тубу, как и полагается второму номеру гранатометного расчета. Я обратил внимание, что это была тупорылая термобарическая граната⁵.

Вертолет между тем завершал уже второй круг над горящим «Bell 407», но любоваться плодом своей работы дальше, кажется, не собирался.

– Нас в тепловизор ищет.

– Сейчас найдет, – согласился я, уstraивая тубу на камне-валуне и прижимаясь глазом к резиновому наглазнику прибора управления огнем.

Тепловизор штурмовика увидел нас, вертолет увеличил скорость, стремительно сближаясь и выходя на позицию для атаки НУРСами. Я заметил, как на подкрылках шевельнулись кас-

---

⁴ НУРС – неуправляемый реактивный снаряд.

⁵ Тупорылая термобарическая граната – термобарическая граната отличается своей формой от других надкалиберных гранат для гранатометов тем, что имеет тупой передний конец.

сеты с ракетами, отыскивая цель по нашему тепловому свечению, хотя светились у нас только лица и руки – костюм «Ратник» свечение скрывал.

Я опередил вертолетчика, может быть, на мгновение и послал гранату навстречу летящей машине. Наверное, в вертолете было чему взрываться и помимо термобарической гранаты. Вспышка была яркой, грохот был жутким, а осколки винтокрылой машины полетели в разные стороны. Наверное, далеко полетели. Хотя это зависело от тяжести каждого отдельного осколка. Так, одна лопасть упала на скалы, за которыми мы прятались, то есть далеко улететь не смогла, хотя сама по себе не такая тяжелая, как кажется. Лопасть делается из специальной пропитанной лаком и клеем пленки, намотанной на каркас. Но удар лопасти оказался ошутимым даже для каменной скалы, с которой полетели в разные стороны обломки камня и каменная крошка. Полетели, в том числе и мне в лицо, из-за чего пришлось зажмуриться. Но глаза не пострадали, и это было главное.

Однажды в детстве я видел сон, в котором полностью ослеп. С тех пор слепота для меня казалась самым страшным злом, какое может со мной когда-либо произойти. Я даже подполковнику Халидову мысленно посочувствовал, когда узнал, что пуля вошла ему в глаз, сделав одноглазым. И вообще я боялся любой травмы глаза, кроме, естественно, синяка или рассечения брови, что со мной время от времени случалось на тренировках по рукопашному бою. Бывало, даже солдаты, с которыми я занимался, умудрялись поставить мне синяк. Особенно если они имели предварительную подготовку боксеров или рукопашников. А такие встречались в нашем деле, как я убедился, все чаще и чаще. Хотя лично я обычно предпочитал брать к себе сначала во взвод, а потом и в роту не рукопашников, а лыжников или бегунов-стайеров, которые умели терпеть, умели преодолевать собственное «нет сил» простым усилием воли, умели заставлять себя.

Рукопашному бою лично я могу обучить любого, кто имеет хотя бы мало-мальскую спортивную подготовку, исключая, наверное, настольный теннис и шахматы с шашками. А вот научить бойцов терпению намного сложнее. А современные сроки службы слишком коротки, чтобы проводить полноценное обучение. Мы успеваем обучить солдат-срочников только самым азам службы в спецназе, как им уже подходит время увольняться в запас.

Другое дело – контрактники. Эти проходят полноценное обучение. А солдаты срочной службы, если почуяли вкус к работе спецназа, с удовольствием остаются служить по контракту. Жалко бывает, что не все этот вкус получают. У многих есть в жизни собственные приоритеты, и они отдают предпочтение им. Особенно жалко, когда в запас уходит человек, в котором открывается большой потенциал. А такое случается часто. Но сами эти парни видят свой потенциал в другом, и часто они оказываются правы, становясь успешными специалистами в гражданской жизни. Но это их собственная жизнь, и командиру не стоит в эту жизнь вмешиваться.

Я не думал обо всем этом, когда пыль и осколки камней ударили мне в лицо. Все промелькнуло одной цельной мыслью, в то время как старший лейтенант Аграриев за моим плечом просто перекрестился. Видимо, мысленно произнес «за упокой» душам погибших пилотов вертолета. Я тоже прекрасно понимал, что погибшие пилоты нам со старшим лейтенантом – не враги. Просто они получили приказ. Точно так же, как мы получали. И отправились его выполнять. Мы в данном случае вышли победителями в схватке с летающим чудовищем, только что уничтожившим вертолет «Bell 407» и готовым уничтожить нас. А зачем был уничтожен «Bell 407», мне было понятно. Если подполковник Сокуров поправится, если он решит попытаться понять, что с вертолетом произошло, почему вдруг потребовалась аварийная посадка в режиме авторотации, он будет в состоянии поднять на ноги немалые силы, и тогда, вполне возможно, всплывет подноготная уничтожения генерала Шарabutдинова и его племянника. По крайней мере, отдельные подробности этой операции всплывут. И кто-то за это получит не удар, а подзатыльник. Да и то не за то, что совершил, а за то, что не сработал чисто. Это обыч-

ное дело в нашей действительности. И тогда придется подчищать все и всех, чтобы некому было давать показания. Возможно, понимание этого и толкнуло Аграриева сообщить мне о приказе полковника Самокатовой о моей ликвидации. Если ликвидируют одного, следом обязательно будет ликвидирован второй и третий.

Старший лейтенант часто дышал у меня за плечом. Я сел за камень, поставив гранатомет между колен, ожидая, когда осядет пыль и дым после взрыва вертолета. Старший лейтенант смотрел на меня. Но не с испугом или сомнением во взгляде, а жестко, требовательно, с пониманием того, что мы с ним были вынуждены защищаться. И он готов был защищать свою жизнь не менее старательно, чем я свою.

– Так что еще тебе говорила Алевтина Борисовна? – спросил я.

– Больше ничего. Только коротко отдала приказ о твоей ликвидации. Переспросила, все ли я правильно понял, и осталась довольна.

– То есть других приказов не давала? И ничего не говорила про убитого мной подполковника Халидова?

– Нет, не давала. И ни про какого подполковника не говорила. Не упомянула даже.

– Приказала пристрелить меня... То есть, перед тем как отправить сюда боевой вертолет, она уже могла рассчитывать, что ты приказ выполнил?

– Естественно. И вертолет прилетел ликвидировать уже одного меня. Конечно, я горжусь, что на меня одного вертолет послали, тем не менее не сильно радуюсь. Гордость в гробу, если удастся куски мяса в гроб собрать, неуместна.

Сам я это только что понял. А старший лейтенант сообразил быстрее, поскольку дело касалось его напрямую. И потому потребовал встретить вертолет «Вампиром». С такой дистанции убойной силы хватило бы даже, думаю, у РПГ-7, который воевать начал, когда я еще пешком под стол ходил, а на вооружение был принят еще задолго до моего рождения⁶. Но понял я и другое: и «Сектор «Эль» во главе с полковником, и ФСБ Дагестана в лице подполковника Саенкова намереваются нас всех троих ликвидировать вовсе не потому, что я застрелил следователя Халидова, а только как исполнителей расстрела генерала Шарабутдинова. Халидов здесь вообще выбран исключительно как причина. Из этого напрашивался вывод, что еще до начала операции нас было решено уничтожить. А уже из главного вывода можно было и еще кое-что вытащить.

– Хреновенькая у нас с тобой ситуация, – признал я. – Значит, на нас объявлена большая охота!

– Да, – согласился Аграриев. – Неприятно быть дичью. Но такие у нас законы. Правила игры, как говорит Самокатова.

– А если я не желаю играть по ее правилам? Если я желаю собственные установить?

– Это тоже следует суметь. Нужно суметь заставить ее принять твои правила. Проще, мне кажется, вообще играть без правил.

– Самое плохое в этой ситуации, что под ударом находится моя семья, – назвал я свою большую точку. – Не знаю, как у тебя. У тебя как вообще с семейным положением?

– Моя половина сразу после суда, еще до «зоны», сообщила мне, что замуж выходит, и попросила мирно дать ей развод. Я согласился. Пусть живет, как может. У сына сейчас другой отец, сын не знает, что отец не родной. Меня наверняка не помнит. Ему тогда семь месяцев было. С этой стороны я недосягаем для Самокатовой. И рад этому. А вообще я считаю,

---

⁶ Советский гранатомет РПГ-7 был принят на вооружение в 1961 году и до сих пор является основным гранатометом в армиях целого ряда стран, кроме России, еще 102 государства официально используют в своей армии РПГ-7, не говоря уже о различных незаконных вооруженных формированиях. Совершенствуются со временем в основном гранаты, но сам гранатомет, благодаря своей удачной конструкции, остается, как и прежде, востребованным оружием, хотя тоже время от времени модернизируется.

что женщина была создана исключительно для того, чтобы мужик не сдох от счастья. Без них живется куда как легче.

– Да, тебе проще, – согласился я. – А мне следует как-то спрятать и жену, и дочь. Майор Апухтин должен был сегодня утром их с поезда встретить. Самокатова обещала, что Служба квартиру выделяет. И новые документы для них и даже для собаки. С собачьими была какая-то временная неувязка, и Самокатова обещала дело с кинологической федерацией утрясти.

– Я не уверен, что она заранее не просчитывала наше уничтожение. Она умеет все просчитывать. И такими обещаниями просто усыпляла твою бдительность. Особенно в такой ситуации любая деталь на психику давит. Как с собачьими документами. А что, собака – жутко породистая?

– Да. Очень даже породистая. Всеми возможными титулами в России владеет. Чемпион пяти соседних стран. А насчет Самокатовой... Это возможный вариант. Но я бы связался как-то с майором Апухтиным, чтобы уточнить ситуацию. Дмитрий Евгеньевич показался мне человеком достойным. У него взгляд прямой. С таким взглядом трудно обманывать. Ему самому бывает трудно обманывать. Мне он показался хорошим офицером, которому не чуждо понятие чести.

– Не обольщайся насчет Дмитрия Евгеньевича. Он человек сложный, и сам часто не знает, что делает. И чрезвычайно жадный. Он свою высокую зарплату отработывает полностью. Когда жалованье получает, все до копейки пересчитывает.

– С этой стороной его характера я, к счастью, не сталкивался.

– Да, есть за ним такой грех. А позвонить ему можно. У меня есть его номер. Только лучше звонить попозже, когда он домой уедет, чтобы сразу с Самокатовой не поговорил. По простому телефону такие дела он обсуждать не будет. Апухтин службу знает. Да и Алевтина Борисовна сама не будет. Ей проще приехать. Она же понимает, что тоже находится под жестким контролем.

– Мне бы только узнать, давала Самокатова майору поручение мою жену встретить или это ее бредни. Только один вопрос, который все объяснит. Но ты прав, лучше спросить об этом ближе к вечеру. Он когда домой уезжает?

– Рабочий день у майора ненормированный, как у всех в «Секторе». Обычно до пяти работают, если нет каких-то срочных дел. И Самокатова не всегда на ночь остается. Как правило, ровно в пять уезжает. Она – человек пунктуальный.

– Где она живет, знает, наверное, только ее водитель?

– Я с водителем разговаривал как-то. Водитель сам рассказал, без моих вопросов. Он отвозит ее только до метро. А дальше она сама добирается. Осторожная.

– А ее муж?

– Майор Стукалов? Он у нас в «Секторе» отвечает за общую физическую подготовку. Бывший спортсмен. Мастер спорта международного класса по боевому самбо. Говорят, с ним лучше не связываться в серьезной ситуации. Но я на тренировке по «рукопашке» научился ему противостоять. Он хорошо себя показывает в стандартных ситуациях, когда есть возможность прием или удар провести. А любая нестандартная ситуация его из колеи выбивает – теряется иногда. Например, резкий разрыв дистанции с последующей быстрой атакой. Стукалов вообще быстротой не отличается, слишком тяжелые у него мышцы. Этим грех не воспользоваться, если вдруг придется столкнуться.

– Что-то долго Сережа не летит, – сказал я. – Пора бы уж ему...

– Есть у меня опасения, что он вообще не прилетит. Двигатель откажет.

– Автожир более приспособлен для авторотации, чем вертолет, – подсказал я выход, надел на голову шлем и включил внутреннюю связь. – Сережа! Сережа! Ты где?

Ответом мне была тишина. Наушники не донесли даже дыхания старшего лейтенанта Логунова. Аграриев тоже с вниманием прислушивался к своим наушникам, хотя шлем держал на коленях. Но и его наушники оказались «неразговорчивыми».

– Боюсь, ты прав, – согласился я и выключил свой коммуникатор. Это движение не осталось незамеченным старшим лейтенантом, и Анатолий выключил свой.

– Время вышло, – решил он. – Мой призыв к Логунову, скорее всего, прослушивался. Ему, я думаю, для отвлечения дали приказ расстрелять нас с тобой, если мы каким-то чудом убежим от вертолета. А сами тем временем что-то сотворили с автожиром. Сережа, думаю, приказ принял, хотя исполнять и не думал, но, как нас учили, возражать не стал и сделал вид, что согласился. Но он же главное действующее лицо в уничтожении генерала. Его никак не отпустят. Скорее всего, и не отпустили. Короче, командир... Пора нам отсюда уходить. А то высадят скоро взвод спецназа ФСБ. Да еще в придачу пару взводов спецназа МВД из местных, которые все тропы здесь животом изучали. От этих волков уйти будет трудно. Они не умением, так количеством могут задавить. Как обычно и делают. Двигать будем в сторону Моздока?

– Мы сейчас в Чечне находимся, – задумался я. – Было бы лучше в Махачкалу вернуться, хотя это намного дальше. Я Оглоблину верю. Он сумеет прикрыть и не сдаст... А через Чечню выходить опасно. Здесь слишком много постов, и все они будут предупреждены. Стрелять будут сразу на поражение. Надо подумать. Давай пока просто удалимся отсюда подальше. По дороге уже четыре машины одна за другой проехали. Могли видеть, как вертолет стрелял по вертолету на земле, потом могли видеть, как после нашего выстрела большой вертолет взорвался. Картина, конечно, интересная – не каждый день такое увидишь. Водилы могут ментам на ближайшем посту сообщить, а те по инстанции... И спецназ прилетит сюда. А мне им и сказать нечего. Уходим...

Анатолий вытащил из рюкзака последнюю гранату и зарядил гранатомет. Пустой рюкзак аккуратно сложил и придавил камнем. По большому счету нам не стоило бояться оставлять следы, поскольку обломки двух вертолетов сами место показывают. Тем не менее у Аграриева сработала привычка. И у меня тоже. Я не стал разбирать уже заряженный «Вампир» на две части, а просто положил длинную тубу себе на плечо и понес так. А рюкзак от гранатомета перед этим по примеру Аграриева засунул под камень.

Ушли мы не далеко, чтобы иметь возможность вернуться, если вдруг случится чудо и прилетит старший лейтенант Сережа Логунов. Изначально двинулись в сторону гор. Но чеченские горы сильно отличаются от дагестанских. Здесь только на юге республики настоящие горы, а в центре и на севере отсутствуют большие вершины, сами же горы и даже хребты густо заросли лесом. Мы, как я видел по карте, находились на самой границе горных и степных районов. Но даже те сравнительно невысокие горы, что были здесь, не давали обзора дороги. Требовалось еще какое-то время вести наблюдение, чтобы точно удостовериться в отсутствии автожира.

Наблюдать решили еще в течение часа, хотя время взяли, на мой взгляд, с большим, может быть, даже двойным запасом. Если бы Логунов имел возможность прилететь, он прилетел бы в течение ближайших минут. При этом мы договорились, что первые полчаса я сижу на дереве, потом полчаса проводит там старший лейтенант Аграриев. Осталось только дерево выбрать. Я выбрал старую елку. По елке взбираться чрезвычайно сложно. Ель – дерево с великим множеством ветвей. Но я, помню, читал как-то, что наши предки, новгородские словене, применяли для наблюдений именно ели, винтом срубая часть ветвей, начиная снизу, и делали что-то похожее на винтовую лестницу. Топора для работы у меня не было, но малая саперная лопатка, отточенная так, что позволяла использовать ее вместо бритвы, легко топор заменяла. Да и по весу была такая, что рука не уставала ее держать. Нижнюю часть лесенки мне помогал делать старший лейтенант, поскольку нижние сучья были самыми толстыми и крепкими. Дальше я уже полез сам. Не имея соответствующей сноровки, я все же, размахивая лопаткой,

умудрился ни разу не свалиться. Впрочем, это было и не особенно сложно – так много на стволе было ветвей. Гораздо сложнее было бы свалиться. При этом забираться на самый верх я не собирался, потому что там был бы заметен мой силуэт. Я постоянно посматривал, оценивая возможности наблюдения. Одолев две трети ствола, я убедился, что уже могу видеть участок дороги, который меня интересовал, от одного поворота до следующего, и устроился боком на крепкой и гибкой ветке.

Анатолий стоял внизу. Но связь мы договорились не включать, чтобы не давать возможности определить свои координаты. Вообще-то, как нам когда-то доходчиво объясняли, координаты могли показать только планшетники, но никак не коммуникатор, тем не менее, не зная всех возможностей этой техники, мы перестраховались. Ведь нас предупреждали еще при испытании экипировки «Ратник», что прослушать переговоры внутри группы или подразделения невозможно. Тем не менее у Аграриева сложилось впечатление, что полковник Самокатова имела возможность нас прослушивать. И потому мы решили обходиться без электронной связи, обмениваясь только «живыми» словами и знаками. Оба мы не относили себя к болтунам, и потому коротких слов и понятных знаков нам должно было хватить. Тем более от дороги мы отошли километра, пожалуй, на три, и услышать нас оттуда, если там кто-то появится, конечно же, было нельзя. А появиться там какие-то недружественные нам силы должны были обязательно.

И они вскоре появились. Сначала подъехал грузовик и шесть боевых машин пехоты. Я поднял к глазам бинокль и увидел, как на обочину дороги выпрыгивают менты. Их было немногим меньше сотни. Вероятно, три взвода. Спецназ чеченской полиции. Серьезные и недобрые ребята, в свое время уничтожившие немало российских солдат, но потом перешедшие на нашу сторону и теперь уверяющие, что служат России.

Потом послышался звук вертолетного двигателя – одного, второго. В бинокль я рассмотрел два «Ми-8», но это были не стандартные боевые штурмовики, а военно-транспортные машины, хотя и имеющие на подкрылках круглые кассеты с НУРСами. Вертолеты летели не прямо над нами, а в стороне. И посадку совершили рядом с дорогой, недалеко от полностью уже сгоревшего «Bell 407».

Это прилетел, как я понял, спецназ ФСБ Дагестана. С чеченской полицией этот спецназ смешиваться не стал. Бойцы как приземлились в полусотне метров в стороне, так там же и построились, тогда как полицейский спецназ осматривал то, что осталось от «Bell 407» после нескольких неуправляемых ракет вертолета-штурмовика, а потом и то, что осталось от самого штурмовика, хотя от него остались только обгоревшие обломки. Сколько я ни пытался рассмотреть в бинокль, даже обгоревших тел пилотов найти мне не удалось. И раньше, когда мы находились близко, я этих тел не видел. Должно быть, взрывом их отбросило куда-то очень далеко. Может быть, даже за дорогу, где не было леса, но стояло множество столбообразных выветренных скал. Если тело забросит туда, оно запросто может застрять где-то наверху, и достать его без специального снаряжения будет проблематично.

Полицейский спецназ собирал, что мог, в большие пластиковые мешки и относил к дороге. Мешки загружали в грузовик. Искать нас со старшим лейтенантом Аграриевым, кажется, никто из ментов не собирался. Эту задачу, после разговора двух командиров, что произошел на обочине дороги, видимо, взял на себя спецназ ФСБ Дагестана. Мне даже показалось, что я узнал высокую худощавую фигуру командира спецназа ФСБ. Человек этот при изучении его в бинокль походил на майора Алексеенко, который желал помочь мне сбежать из СИЗО Махачкалы.

Когда-то я спас его старшего брата, и майор был мне благодарен за это. Оставалась надежда, что, если нас найдут и поймают, с майором удастся договориться. Хотя я и понимал прекрасно, что служба есть служба, и, если майору приказали ликвидировать нас, он нас ликвидирует. Иначе его самого могут ждать большие неприятности. Служба у нас такая! Воз-

можно, что ликвидацией он лично заниматься не будет, но передаст приказ руководства своим подчиненным.

Но до того как нас ликвидировать, нас следовало еще поймать. А в этом была определенная сложность. И состояла она в том, что подготовленного человека сложно поймать, если он сам того не желает. А мы со старшим лейтенантом Аграриевым ничуть не походили на самоубийц, которые готовы прямо сейчас выйти из леса с поднятыми руками.

Время я контролировал привычно головой и собственными ощущениями. И потому посмотрел на часы только тогда, когда мне сидеть наверху оставалось только две минуты. Как раз в это время командир отряда спецназа ФСБ закончил инструктаж младших командиров и убрал карту в большущий карман на бедре. Наверное, кому-то нравится носить такие карманы и пользоваться ими. Но мне они обычно не подходят по той простой причине, что я ношу на бедре специально для этого сделанную кобуру. В гражданской одежде я прячу кобуру за брючный ремень на спине и прикрываю рукоятку пистолета курткой. И кобура у меня особая, купленная по случаю в одной научно-производственной фирме, которая ее и разработала. Но заказы на изготовление ни от армии, ни от полиции, ни от спецслужб получить ей не удалось. Не было в фирме людей, которые смогли бы обеспечить производство заказами. И тогда были распроданы опытные образцы. Вот такой опытный образец достался мне. Сама кобура была достаточно плотной, хотя и легкой, сделанной из легких полимеров. Но главное удобство заключалось в том, что пистолет держался в кобуре прочно и не норовил вывалиться. А чтобы вытащить оружие, требовалось только ухватить его за рукоятку, вдавить в саму кобуру, и сразу срабатывал механизм, отщелкивающий пистолет в руку. Более того, при нажиме пистолета предохранитель упирался в специальный выступ и передвигался в боевое положение. И сразу можно было стрелять. А патрон я всегда ношу досланным в патронник. И хотя в боевой обстановке мне не доводилось пользоваться пистолетом, на учебных практических стрельбах за счет быстрого извлечения оружия у меня появлялась пара лишних секунд на прицеливание. Кто знает, что такое практические стрельбы, поймет важность этой пары секунд.

Однако пока у меня не было необходимости браться за рукоятку пистолета. Я видел, что командир отряда спецназа ФСБ дал группам задание, после чего те разошлись в разные стороны. В нашу сторону, к счастью этих спецназовцев, никто не пошел. Людей в группе не хватало, чтобы все пространство охватить, и командир выбрал приоритетные направления.

– О! – позвал я стоящего под деревом Анатолия.

Старший лейтенант поднял голову, и я постучал пальцем по циферблату часов. Он понял и стал взбираться по подготовленной мной «винтовой лестнице». Причем делал это ловко, быстро переставляя ноги и перебрасывая руки с ветку на ветку. Я освободил ему сук, на котором сидел, и протянул свой бинокль.

– Тепловизором пользоваться умеешь?

– Доводилось...

– Спецназ ФСБ ушел на наши поиски. Но не в нашу сторону. Однако это не значит, что они потом не свернут сюда. Смотри внимательно. Особенно по сторонам.

И в это время в небе раздался негромкий шум двигателя. Я отчаянно вытянул шею и увидел, как с другой стороны дороги, как раз в направлении на Моздок, показался небольшой летательный аппарат. Это был автожир «Егерь», а управлять им мог только старший лейтенант Логунов. У дороги засуетились менты. Судя по тому, как они себя вели, они уже что-то знали и имели приказ относительно автожира и его пилота. Командир спецназа МВД сообщил что-то в переговорное устройство. От одной из боевых машин пехоты стремительно отделился коротконогий коренастый крепыш с длинной винтовкой в руках. Но только забрав у Аграри-

ева бинокль, я утвердился в том, что подозревал. Это был снайпер, он нес крупнокалиберную антиматериальную винтовку⁷ с оптическим прицелом.

От нас до снайпера расстояние было слишком велико, чтобы попробовать подстрелить его. Пистолет-пулемет «ПП-2000», даже имея оптический прицел, не приспособлен для такой стрельбы. Простой пистолет тем более бесполезен. Здесь могла бы помочь только снайперская винтовка старшего лейтенанта Логунова, но она была, я надеялся на это, у него в автожире. Но старший лейтенант был занят управлением летательным аппаратом и потому стрелять не мог. Автопилота, насколько я понимал, в «Егере» не было. Там управление простейшее, без «наворотов». Тяжело было чувствовать свою беспомощность и невозможность помочь товарищу.

Аграриев взял мой бинокль, не спросив согласия, – не до разговоров было. Посмотрел и сразу оценил ситуацию.

– Думаешь, сможет подстрелить? В летящий объект с оптикой стрелять сложно.

– Если снайпер опытный, может попасть... Там главное – правильно опережение взять. Скорость, если на глазок определять, около сотни километров в час. Может, чуть больше... Для опытного снайпера это нормальная скорость... Можно рассчитать и опережение. Если в вертолеты попадают, то уж в автожир и подавно. Хотя он и меньше размером. Это для «оптики» не проблема. Главное – опережение...

Мы сидели на дереве и нервничали. Еще больше занервничали, когда снайпер остановился, облокотился на крупный валун, получив, видимо, команду открыть стрельбу.

Я вспомнил про связь и включил коммуникатор «Стрелец» в надежде, что сам Логунов в это время в шлеме и с включенной связью. А как иначе он может искать нас, только через систему связи!

– Сережа! Сережа! – позвал я.

– Наконец-то! Слушаю, командир!

Голос старшего лейтенанта был радостным.

– Снайпер внизу, в тебя прицеливается...

– Я его давно наблюдаю. И готов скорость резко добавить. Пусть сначала пристроится. А я постараюсь момент поймать. Он на встречном курсе стрелять собирается. Это сложно... Пора! Даже нам, на земле, было видно, как резко прибавил скорость автожир.

– Какая у «Егера» максималка? – забыв, что я на связи, обратился я к Аграриеву.

Старший лейтенант плечами пожал. Он никогда на автожирах, как и я, не летал. Ответил Логунов, услышав вопрос и считая, что спрашивают его:

– Сто пятьдесят. Жму на полной. Первые два выстрела – мимо.

Ментовский снайпер стрелял из «громкой» винтовки, тем не менее расстояние звук выстрелов скрадывало. Но сам Логунов каким-то образом определил их. Может быть, по вздрагиванию ствола, потому что крупный калибр ствол всегда подбрасывает.

Нам оставалось только ждать, что произойдет в дальнейшем, не имея возможности хоть как-то помочь старшему лейтенанту Логунову. А «Егеря» тем временем резко лег на крыло и ушел в сторону, покинув зону обстрела. При этом Сережа летел на предельно малой высоте, рискуя зацепиться за придорожные скалы, которые одновременно его и скрывали.

Я включил «планшетник», чтобы глянуть на карту. При этом предварительно выключил коммуникатор «Стрелец», чтобы избежать возможности определить нас со старшим лейтенантом Аграриевым на местности. «Планшетник» и без коммуникатора легко справлялся со спутниковой системой навигации. Видя мои действия, Анатолий тоже свой коммуникатор выключил, но «планшетник» включать не стал, а только ко мне приблизился, чтобы в мони-

---

⁷ Антиматериальная снайперская винтовка – как правило, винтовка калибром 12,7 миллиметра и больше, дальнобойная. Часто предназначается для уничтожения материальных средств противника – автотранспорта, РЛС, бензозаправщиков и тому подобного. Для стрельбы по людям такая винтовка используется редко, причем чаще всего стреляют по группам людей, находящихся на дистанции около двух километров.

тор через плечо заглянуть. Ветка под нами согнулась сильнее, но не затрещала – ель всегда считалась выносливым и гибким деревом. Но садиться на ветку Аграриев не стал и даже с той ветки, на которую опирались мои ноги, переступил на новую. И все это вслепую, продолжая рассматривать в мониторе карту. И сам показал мне пальцем на карте место, подходящее для посадки «Егеря». Место это было достаточно ровным. Единственным недостатком была близость дороги. Те же ментовские боевые машины пехоты за пару минут окажутся рядом. Но другого подходящего места поблизости не просматривалось.

Я вытащил лопатку и обрубил еще несколько ветвей, чтобы подняться выше. Так мне стало видно автожир «Егерь», который совершил круг и, как мне показалось, собирался вернуться к месту, которое осматривали чеченские спецназовцы МВД.

Я включил коммуникатор.

– Сережа! Видишь под тобой вдоль дороги ровную полосу?

– Вижу! Для посадки место удобное.

– Вот и садись там. Отъехать до леса своим ходом сможешь?

– Без проблем.

– Действуй. В лесу жди нас. Мы бегом к тебе...

Я начал торопливый, но аккуратный спуск. Не глядя, чувствовал, что старший лейтенант Аграриев спускается следом.

Я прыгнул с высоты метра в два и сразу отошел в сторону, чтобы освободить место напарнику. Аграриев прыгнул со своей высоты, выше меня еще на пару метров. Но завершили прыжки мы удачно. Прыгать с высоты оба обучены хорошо, колени у нас не старческие, прыжки выдерживают. И сразу, перебросив пистолет-пулеметы в боевое положение для бега, то есть удерживая их на груди и опирая на оружие руки, мы побежали. Анатолий слышал, как я пообещал Логунову, что мы выдвигаемся к нему бегом. И потому действовал без задержки. Те три с половиной километра, что отделяли нас от третьего члена нашей группы, мы преодолели стремительно, хотя в лесу приходилось лавировать между деревьями и кустами, кое-где пришлось перепрыгивать через лежащие стволы старых деревьев, а где-то пригибаться, чтобы не разбить лоб о горизонтально растущую толстую ветвь. Хорошо, что лес был в основном хвойным, и горизонтальные ветви принадлежали только редким здесь березам.

Бежали мы быстро и добежали скоро. Застали Логунова в момент, когда он, загнав машину в кусты на опушке леса, уходящего в гору, вытаскивал из багажного контейнера своего «Егеря» большое полотно и маскировочную сетку, которыми укрывал автожир на хребте рядом с аулом. Предосторожность не лишняя – автожир мог еще нам службу сослужить, и мы с Аграриевым вдвоем принялись энергично помогать Сереже.

Вместе справились быстро и, как оказалось, вовремя, потому что командир чеченского ментовского спецназа, видимо, связался с командиром дагестанского спецназа ФСБ, и тот поднял в воздух оба вертолета, на которых дагестанцы прилетели. Вертолеты, скорее всего, имели тепловизионные приборы, они летали вдоль дороги, не удаляясь далеко, делали круги, но найти автожир не могли. Ткань надежно защищала «Егеря» от назойливого взгляда приборов, несмотря на то, что двигатель автожира был, вне всякого сомнения, горячим и, возможно, даже перегретым, потому что пилот гнал машину на предельной скорости, уворачиваясь от выстрелов снайпера.

Но и нам следовало спрятаться от тепловизоров вертолетов. Наши костюмы не пропускали тепло. Но у нас не оказалось с собой ни специальных масок, которые оставляют открытыми только глаза, ни перчаток, сшитых из той же ткани. И потому слабое свечение тепловизоров могли обнаружить. Конечно, такое свечение легко принять за бегающую по лесу мышшь. Тем не менее побережись стоило. Если Логунов забрал с собой свою попону, сшитую из двух плащ-палаток, и его увидеть было невозможно, потому что он с приближением хлопающего шума двигателей набрасывал попону на себя и продолжал движение, то мы с Аграриевым в

опасные моменты вынуждены были ложиться лицом в землю, прятать под грудь руки и прижимать лицо к локтевым суставам. Причем эту позу мы придумали одновременно, каждый сам по себе. Я на всякий случай старался засунуть куда-нибудь за камни заряженный гранатомет «Вампир».

Точно я не знал, насколько мощная матрица стоит на вертолетных тепловизорах, но я опасался, что тепловизор определит слабое свечение аккумулятора. Это бывает обычно, когда в тепловизорах используется мощная микроболометрическая матрица⁸ американского или французского производства. Слышал я, что и китайцы в последние годы стали делать мощные матрицы, но наши спецы научились добиваться высокого результата не за счет матрицы, а за счет применения стекла из оптического германия, которое не поглощает инфракрасное излучение. Какие приборы стоят в вертолетах, нам никто не докладывал, но в таких случаях я всегда предпочитаю перестраховаться и предположить самый невыгодный для себя вариант.

И предосторожность свое дело сделала. Совершив по шесть кругов, вертолеты никого не нашли, посчитали, видимо, что автожир улетел, и решили устроить погоню. Поднявшись высоко и никого вдали не увидев, вертолеты направились в разные стороны.

Я предположил, что они долетят до какого-нибудь аэродрома, там совершат посадку для заправки топливом и только после этого вернутся за дагестанскими спецназовцами, которые обшаривали близлежащие горы, впрочем, без особого результата. Может быть, хоть грибов домой наберут – все не без толку летали. На тех аэродромах, где вертолеты будут заправляться, пилоты предупредят других летчиков о том, кого следует найти и уничтожить. Таким образом для нас попытаются полностью перекрыть небо. Старшие лейтенанты с моим мнением согласились.

Мы разговаривали в открытую, отключив свои коммуникаторы, чтобы не дать возможности со стороны определить наше местоположение. Чувствовать себя дичью было, признаюсь, не слишком приятно.

Сережа Логунов передал Аграриеву свою «жестянку» с патронами, а сам нес нелегкую длинную снайперскую винтовку в дополнение к штатному пистолету-пулемету. Но если прицел пистолета-пулемета был прикрыт только крышками со стороны окуляров, то прицел винтовки был спрятан под специальным пластиковым чехлом, достаточно жестким, чтобы выдержать несильный удар, предохраняющий от столкновений с ветвями деревьев. Ствол винтовки и глушитель были обмотаны зеленой камуфлированной тряпкой, местами свисающей лохмотьями. Если бы винтовка не была спрятана в пластиковый кейс, издали создавалось бы впечатление, что Логунов несет на плече ствол молодого дерева. А что переносится в кейсе, было понятно только специалисту. Мы шли, сами не зная куда, но главное – подальше от преследователей.

И только когда остановились на короткий привал, я спросил у старшего лейтенанта Логунова:

– Ты где так сильно задержался? Мы уж подумали, что Самокатова дала приказ тебя ликвидировать. И приказ был выполнен.

– Да, она отдала такой приказ. Только не знаю кому. Но это и не столь важно, – хмуро ответил Сережа.

Дальше он рассказывать не хотел, но Аграриев заинтересовался и поторопил товарища:

– Рассказывай, чего молчишь!

– Полковник сама связалась со мной. Приказала вылететь по вашему вызову и ликвидировать вас. Я сразу не сообразил, что напрямую отказываться опасно, и потому неуверенно заявил, что я не палач, а вы не осужденные на смертную казнь. Самокатова даже зафыркала в трубку и стала сетовать, как некоторые мужчины плохо относятся к своим семьям и даже детей не любят. Тут я сообразил, что веду себя неправильно. И сказал нарочито грубо, что

---

⁸ Микроболометрическая матрица – приемник тепловых излучений.

буду только рад, если полковник поможет мне от семьи избавиться. А про себя решил оставить в винтовке одну пулю для Самокатовой. Ей, правда, ничего не сказал. Всегда считал любые угрозы глупым занятием, смеялся, когда мне грозили, и сам никогда этим не занимался.

– Это правильно, – согласился я. – А вот с отказом ты поторопился.

– Кто может, тот делает, а кто не может, тот только грозит... Это веками проверено... – добавил Аграриев. – И что дальше?

– Честно говоря, я не ожидал каких-то активных действий против себя. Потом мне позволили на трубку, позвали на аэродром, к «Егерю». Дескать, сейчас приедет авиамеханик, надо будет ему машину сдать и забрать оттуда свои вещи. Как-то я сразу не сообразил, что номер моей трубки в Моздоке никто не знает. И вдруг звонят... Я, короче говоря, вышел из гостиницы, и в тот же момент в дверь рядом с моей головой пуля ударила. Помните, там входные двери металлические. Так пуля эту дверь насквозь прошила. Значит, стрелял снайпер бронебойной пулей. Я спокойно помахал снайперу рукой и нырнул за дверь. После чего собрал свое оружие, личные вещи и вышел через окно в противоположной стене. Там неподалеку уже часовой стоял. Солдат, плохо обученный. Позволил мне приблизиться на расстояние скачка. Я со скачка его в горло ногой ударил – боюсь, кадык сломал, пострадал парень только за выполнение глупого приказа, то есть ни за что. Я, честно говоря, не люблю, когда солдат бьют. И сам никогда не бил, когда взводом командовал. Но мне тоже жить хочется. Сейчас стыдно, но тогда все казалось естественным. Побежал по низинке, пригнувшись. Там за гостиницей низинка есть. Второй часовой стоял у прохода на аэродром. Его я просто основанием ладони в челюсть ударил. И прошел спокойно к ангару. Залил бензина под завязку, канистру с собой про запас взял. Но тут бригада механиков пришла. Солдаты – и срочники, и контрактники. Не знаю, насколько они в курсе дела были, но я категорично потребовал, чтобы они ворота ангара открыли и створки подержали. И попросил четверых помочь мне «Егеря» выкатить. Растерялись – все-таки офицер приказывает, и помогли. Я и полетел с часовым опозданием. Боялся, что вы уже далеко ушли.

– Но нас все равно нашел... – констатировал я. – Втроем легче выжить, чем поодиночке, но троих и искать легче. Вместе мы уже серьезную силу представляем. И опасность. Пусть Самокатова нас боится. Пусть прячется хоть в сейфе, хоть под столом, пусть хоть дома под ванну залезет, если поместится. Это ее не спасет...

– У тебя есть план? – спросил Аграриев. – Или хотя бы представление о том, что нам делать... Я лично не представляю...

– Давайте размышлять логически, – предложил я. – Первый вопрос для всех. И самый важный вопрос, от которого мы, как от печки, дальше плясать должны. Почему возникла необходимость нас убить? И насколько эта необходимость важна?

Старший лейтенант Аграриев сердито хмыкнул.

– Я уже давно об этом думаю. И про твоего подполковника Халидова тоже...

– Это кто такой? – спросил Логунов.

– Следователь следственного комитета Дагестана, – вынужден был объяснить я. – Ехал в генеральском кортеже и первым сунулся в мою перевернутую машину. Пришлось его пристрелить. А раньше он вел против меня уголовное дело и даже убить меня планировал. Прямо в СИЗО убийц подсылал. И Самокатова предупреждала, чтобы я не вздумал мстить Халидову. Якобы на нем завязана операция ФСБ, которая готовилась восемь месяцев. Про операцию она уже потом сказала, когда дело было сделано. А я даже не знал, что он в генеральском кортеже будет. И не видел в дыму, кого пристрелил...

– Это может быть только деталь, но не главная причина, – здраво рассудил Логунов. – Если бы дело только в этого подполковника упиралось, какой смысл убирать всех троих? Одного бы хватило, и все.

– Согласен, – мрачно наклонил голову Аграриев. – Следак здесь – сбоку припека!

– Это точно, – согласился я. – Халидов здесь ни при чем. Какая еще может быть причина? Я не слышал, чтобы в «Секторе «Эль» существовала такая добрая традиция. Иначе хрен кто согласился бы там служить...

– Я в четырех ликвидациих участвовал, – признался Аграриев. – И всегда нас старались вытащить. Даже следы за нами подметали.

– Я в трех участвовал, – подтвердил Логунов. – Никаких эксцессов с командованием.

– А теперь эксцессы есть, – подвел я итог. – И пока мы не поймем причину, мы не можем ничего решить, не можем сообразить, кто нам друг, а кто враг. То есть можем только на себя рассчитывать. И друг на друга, поскольку мы в одинаковом хреновом положении.

– Каждому следует серьезно подумать, а потом устроить коллективный «разбор полетов», – предложил Сережа. – Только при коллективном разборе мы сможем что-то выяснить.

– С этим нельзя не согласиться, – я пересел с земли на камень, – но кто сможет мне объяснить обстановку на базе «Сектора «Эль». Я сразу заметил, что курсанты друг друга боятся, инструкторов боятся, все свои способности скрывают, как свое прошлое.

– Это-то как раз понятно, – решил Аграриев. – Самокатовой необходим не коллектив, а самостоятельные боевые единицы, которые не будут ничем делиться друг с другом. Как в нашем случае, когда мы должны были друг друга уничтожить. Если нас ничто не связывает, уничтожить легче. Как я мог уничтожить командира, когда он взял на себя вопрос моего спасения, как и спасения пилота вертолета, которому, как я сейчас понимаю, скорее всего, какой-то «химией» обеспечили инфаркт. Командир меня, по сути дела, спас, а я должен стрелять в него! Я лучше буду на него молиться! Чес-с слово...

Это все было сказано на одном дыхании и прозвучало как выстрел из глубины души старшего лейтенанта.

– А мне вот, по натуре моей, – напротив, медленно произнес старший лейтенант Логунов, – коллектив всегда требуется, поддержка плеча идущего рядом. Мне хочется быть верным и надежным, и от идущего рядом я того же жду. И потому взаимоотношения в «Секторе «Эль» меня тоже не устраивали. Просто у меня характер для такой службы неподходящий – меня так сначала книги воспитывали, потом родители, потом армия. Я больше всего в людях надежность ценю. Надежность и чувство взаимопонимания. И сейчас, надеюсь, у нас троих такие взаимоотношения сложатся.

– Я тоже надеюсь, – согласился я, тронутый простотой и незамысловатостью этих слов. – Кроме нас самих, нас никто не поддержит. Но что касается планов на будущее, мы обязаны понять причину попытки нашего уничтожения. И после этого, я думаю, у нас будет аргумент, с которым мы можем обратиться напрямую к командующему войсками спецназа ГРУ. Он сам из простых офицеров, поймет наше положение...

Глава первая

Я первым встал, показывая, что нам следует двигаться дальше. Но не потому, что мы куда-то опаздывали или куда-то стремились попасть как можно быстрее. И даже не потому, что задержка на одном месте таила в себе опасность. Вовсе нет. Вертолеты улетели, спецназ ФСБ Дагестана искал нас в местах, где нас не было. Чеченские менты были заняты сбором обгоревших обломков двух вертолетов и, видимо, задерживаться на месте не намеревались. Но мы уже удалились достаточно далеко и не видели, чем в действительности занят спецназ МВД Чечни, уехал он или нет. Просто мне казалось, как и в этот момент, что движение всегда является необходимым атрибутом для достижения цели. Даже если цель, как у нас, туманна.

Старшие лейтенанты следом за мной встали одновременно. При этом я смотрел на их лица. Искал следы недовольства, испуга или загнанности, но, к своему удовольствию, не нашел. Особенно я боялся увидеть следы загнанности. Именно она заставляет многих людей смотреть на жизнь исключительно сквозь призму собственного «Я» и выражается в готовности перешагнуть через все препятствия, чтобы себя спасти. Здесь такого не просматривалось. Каждый из старших лейтенантов был готов постоять за себя и за товарища с оружием в руках. Смотрели оба жестко и сердито, были сосредоточены.

Вертолеты дагестанских спецназовцев уже давно скрылись за горизонтом, хотя то, что ты видишь в лесу, трудно назвать настоящим горизонтом. Но радовало уже то, что мы не слышали шума их двигателей. Наверное, далеко улетели, хотя об этом говорить можно было только условно, поскольку лес гасит все звуки, смешивая их с шелестом листвы, хвои и гудением ветра. Сам же ветер в горах обычно ориентируется только на направление ущелий, извиваясь под воздействием изгибов горных хребтов, ограничиваясь в пространстве. Ветер налетал на скалы, отражался под углом, выдерживающим критику физических законов, и стремительно летел до соприкосновения со следующими скалами.

Мы пошли в том же высоком темпе, в котором шли раньше, только теперь уже не ложились в траву лицом и не прятались от тепловизионных приборов вертолетов. Куда идти, мы пока не решили, но двигались на юго-восток, даже больше на восток, потому что я, как командир, выдвигаясь первым и задавая темп, выбрал именно это направление. А почему я его выбрал, было неизвестно даже мне. Не потому, что здесь путь был легче – это точно. Я двигался через лес, не обращая ни малейшего внимания на его густоту.

Через два часа движения, когда мы вышли к автомобильной дороге, дождался интервала между машинами и перебежали через старое разбитое шоссе, по которому я еще совсем недавно проезжал на относительно новом, не изувеченном аварией «Мустанге», я начал понимать, что мы интуитивно направляемся в Дагестан. То есть туда, откуда мы, согласно логике, должны стремительно бежать. И откуда мы бежать уже начали. Перехватить-то нас пытались в Чечне на пути к Моздоку, где нас тоже ждали. Я думаю, что даже шикарный самолет «Dassault Falcon 7X» наши преследователи на пожалели бы, как не пожалели до этого вертолет «Bell 407» и его пилота подполковника Сокурова, не пожалели бы экипаж самолета, пилотов которых я не видел, и бортпроводницу. Может быть, самолет сбили бы на взлете из ПЗРК⁹, а потом списали бы это на действия бандитов, пришедших из Сирии или из Ирака вместе со своим оружием. Хотя самолет, принадлежащий Министерству обороны, может быть, и пожалели бы. А нас уничтожили бы уже под Москвой после приземления. Одного выстрела в «уазик» из гранатомета хватило бы вполне. Эти мысли промелькнули в моей голове, когда я первым перебежал дорогу Моздок – Грозный и нырнул в кусты с противоположной стороны знакомого шоссе.

---

⁹ ПЗРК – переносной зенитный ракетный комплекс.

За поворотом гудел двигателем большегрузный автомобиль, с натугой одолевая крутой подъем. Аграриев с Логуновым дождались, пока грузовик проедет, за ним пропустили два идущих следом похожих друг на друга черных кроссовера «Порше Кайен».

А я лежал в кустах и осмысливал свои действия. Тогда, при первом знакомстве с этой дорогой, на переднем пассажирском сиденье тихо дремал старший лейтенант Аграриев, настоящую фамилию которого я не знал до сих пор. Он себя не называл, а я не спрашивал. И это не было отголосками отношений среди курсантов «Сектора «Эль». Это не было даже элементом собственной безопасности каждого, когда каждый соблюдает собственное инкогнито. В спецназе принято не обращать внимания на не имеющие значения факторы. И мы не обращали, потому что все трое были спецназовцами по своему духу, хотя официально и расстались со своими армейскими должностями в разное время.

Аграриев тогда дремал на переднем пассажирском сиденье, и ни он, ни я не знали, что будет через полтора суток, не задумывались о том, что из преследователей генерала мы превратимся в таких же преследуемых, как и он, только у нас не будет возможности получить бронированный кортеж сопровождения, да он нам был по большому счету и ни к чему, поскольку мы прекрасно знали, как легко этот кортеж можно уничтожить.

На складах «Сектора «Эль» найдется немало гранатометов РПГ-29 «Вампир» и «выстрелов» к ним. Найдутся там же и исполнители. И не будут способны спасти нас посты ментов на дороге, как не смогли они спасти генерала Шарабутдинова. Вся разница между нами и генералом Шарабутдиновым заключается в том, что он сам не в состоянии себя защитить, он не специалист, а мы за себя постоять в состоянии, мы такие же специалисты, как и те, кого пришлют нас уничтожить. Но чтобы нас уничтожить, надо просчитать наши действия, найти нас, да и тогда это будет опасно, потому что мы сами неплохие специалисты по уничтожению противника...

* * *

– Куда двинем? – спросил старший лейтенант Аграриев, прислонившись спиной к стволу сосны, словно собираясь почесаться, как это делают медведи.

– Туда... – кивнул я в сторону Дагестана, куда уходила дорога. – В той стороне нас будут искать в последнюю очередь.

– Пешком будем еще пару дней топать, – посчитал Анатолий.

– Вызови такси, – предложил я.

– Когда мы этим путем на «Мустанге» проезжали, я несколько раз видел самопальные стоянки для дальнобойщиков. Там много машин стоит. Костры жгут. Кое-где местные жители для них кафе и магазины поставили. Или просто палатки. На других нет даже будки туалета. Просто выбрали себе место, где много машин рядом помещается, и все.

– Было такое дело, – согласился я. – Я тоже видел.

– Нужно место найти. А там подумаем, как в машину забраться...

– Можно попробовать. Все лучше, чем ногами сотню километров мерить... – поддержал товарища старший лейтенант Логунов. – А, командир? Если уж мы моего «Егеря» спрятали, то надо искать, на чем добираться.

– Я разве возражаю... – пожал я плечами. Я в самом деле не имел ничего против того, чтобы сменить пеший ход на кузов грузовика, где можно было и ноги вытянуть, и не стаптывать подошвы берцев. Опасения вызывало только то, что посты ДПС могут грузовики проверить. Но если нас ищут, то проверять они должны те машины, что едут из Дагестана. Да и всем постам ДПС давно уже сообщили, что беглецов засекли вблизи Моздока, куда они могут направляться. О том, что в Моздоке беглецов могут ждать, инспекторам ГИБДД знать, вероятно, не стоило. Да и кто будет им сообщать! Снимут задание, и все – без уточнения деталей, как обычно это

делается. В таких случаях более серьезными подразделениями применяется простая команда: «Отбой!» И этого обычно бывает достаточно. – Двинули! Будем искать дальнбойщиков...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.